Humanitas

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Центра гуманитарных научно-информационных исследований
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

Арон Гуревич

Избранное
История – нескончаемый спор

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2017

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)4
Г 95

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:
Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, П.П. Гайденко,
В.Д. Губин, Б.Л. Губман, П.С. Гуревич, А.Л. Доброхотов,
Г.И. Зверева, В.К. Кантор, А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков,
М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина, Ю.С. Пивоваров,
И.И. Ремезова, А.К.Сорокин, П.В. Соснов

Редактор: П.М. Аркадьев
Серийное оформление: П.П. Ефремов

Гуревич А.Я.
Г 95 Избранное. История – нескончаемый спор. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 384 с. (Серия «Humanitas»).

ISBN 978-5-98712-761-2

А.Я. Гуревич (1924–2006) – выдающийся отечественный историк-медиевист, основатель исторической антропологии в России. Его труды сыграли неоценимую роль в обновлении исторической науки. Творческое наследие А.Я. Гуревича поражает многообразием и богатством сюжетов и тем. В этот сборник включены статьи, написанные в разные годы. Статьи посвящены проблемам средневековой истории – от отношений собственности и социального порядка до проблем культуры, религиозности и ментальности. Статьи отражают стремление автора понять смысл средневековой эпохи как противоречивой целостности.

Для историков и широкого круга читателей.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-98712-761-2

© С.Я. Левит, автор проекта «Humanitas», составитель серии, 2017
© Е.А. Гуревич, правообладатель, 2017
© Центр гуманитарных инициатив, 2017

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга объединяет статьи, опубликованные в разные годы. Этот сборник ни в коей мере не претендует на полноту, ибо в состав его включено меньшинство научных статей, написанных мною на протяжении четырех десятилетий.

«Книги имеют свою судьбу» – и статьи тоже, причем продолжительность жизни статей и их доступность не равнозначны жизнеспособности книги. Пытаясь воспротивиться наступающему на статьи забвению, я решился несколько продлить жизнь части моих произведений «малого жанра», рассеянных в журналах и сборниках. С этой целью была отобрана сравнительно небольшая доля статей, которые, как я надеюсь, не вовсе утратили свое значение.

Первоначально я замышлял этот сборник разделенным на три части: медиевистика, скандинавистика и методология. Вскоре выяснилась, однако, условность подобной структуры, и наиболее удобным и правильным я счел размещение статей в хронологической последовательности. Дело в том, что мои изыскания в области скандинавистики всегда были и теснейшим образом связаны с работами, относящимися уже не к скандинавскому, но к континентальному кругу проблем и источников. Мыслью, не оставлявшей меня на протяжении всей моей трудовой деятельности, было: по возможности преодолеть средостение между изучением скандинавской проблематики и анализом источников, относящихся к истории больших стран Европы. Это разграничение и обособление давно возникло и закрепилось не только потому, что «специалист подобен флюсу», но в значительной мере в силу языковых препятствий. Между тем, преодоление взаимной замкнутости медиевистики и скандинавистики, по моему глубочайшему убеждению, открыло бы новые перспективы для обеих сторон. Ни в коей мере не посягая на специфику этих отраслей культурно-исторического знания, было бы весьма полезно не упускать из виду те их особенности, которые, будучи охвачены общим взглядом, углубили бы наши представления о богатстве и многообразии средневекового мира.

Специфика древнескандинавских памятников такова, что анализ этих текстов – и поэтических, и прозаических, – позволяет исследовательски поставить проблемы, которые едва ли по плечу медиевистам, работающим на французском, итальянском или немецком материале. Направление современной медиевистики, оказавшееся наиболее продуктивным во второй половине XX столетия, – историческая антропология. Но именно тот круг вопросов, который занимает представителей этого научного направления, возникает в первую очередь в работе скандинависта. Ведь неслучайно датская скандинавистка С. Хаструп назвала одну из своих монографий, посвященную изучению культуры и социального строя древней Исландии, «Остров антропологии».

Что до моих работ, посвященных вопросам методологии исторического познания и историографии, то, признаюсь, я поступил довольно сурово по отношению к тем из них, которые были опубликованы в конце 50-х и в 60-е гг.: я решил не включать их в этот сборник. Столь радикальное решение далось мне не легко. Работы, посвященные анализу исторической психологии, общим и конкретным закономерностям истории, рассмотрению разных сторон марксистской философии истории, обсуждению особенностей исторического познания и других теоретических проблем, были написаны мною еще в «годы учения» – в тот период, когда начиналась и драматично развертывалась ломка моего научного мировоззрения. Приобщаясь по мере сил к идеям мировой гуманистики, недоступным или малодоступным историкам моего поколения в студенческие и аспирантские годы, я, каюсь, сплошь и рядом не ограничивался уяснением нового для себя, но спешил приобщить к новому знанию возможно более широкий круг лиц. В результате появилась серия статей методологического содержания, напечатанная в «Вопросах истории», «Вопросах философии», в других журналах и сборниках. В условиях «оттепели» конца 50-х – начала 60-х годов, когда доминировала тенденция «по-новому прочитать» Маркса и Ленина, мне казалось необходимым указать на иные и более продуктивные источники развития гуманистики в целом и исторического знания в частности. При этом меня не оставляла мысль о том, что подобная возможность воздействовать на отечественных интеллектуалов была отпущена нам лишь на краткий срок, а потому надобно спешить. Немалая доля моих статей по методологии была бы воспринята нынешним читателем как незрелая и неоригинальная; свое единственное оправдание эти статьи могли найти в борьбе точек зрения, выдвигавшихся в те годы.

Я не методолог. Но, будучи практикующим историком, я всегда считал совершенно необходимым постоянно продумывать теоретические аспекты моей профессии. Я убежден в том, что в равной мере невозможны ни историческое исследование без теории, ни теория, отвлекающаяся от проникновения в источники. Поэтому мои опыты по части эпистемологии и методологии было бы неверно оценивать, отвлекаясь от моих конкретных исследовательских работ. В конце концов, мои теоретические штудии суть не более нежели строительные леса, средства, необходимые для познания исторических феноменов.

Таким образом, предлагаемый читателю сборник статей – продукт неоднократно возобновляемых децимаций, произнесенных автором над собственными сочинениями. Остается лишь напомнить о том, что отобранные для данного сборника статьи в определенном смысле суть спутники, в той или иной степени втянутые в орбиту более крупных исследований – тех примерно двух десятков научных монографий, которые были созданы мною за последние сорок лет.

Еще одно признание: меня подмывало назвать этот сборник «Бои за историю». Мой путь довольно богат как научными и теоретическими столкновениями с отечественными и зарубежными коллегами, так и коллизиями, спровоцированными теми лицами и учреждениями, которые считали мои научные взгляды и построения враждебными и опасными для здоровой жизни общества. Столкновения, вызванные диаметрально противоположными оценками судеб исторической науки в нашей стране во второй половине истекшего столетия, не прекращаются и ныне. Отголоски этих внутрицеховых конфликтов читатель найдет и в настоящем сборнике (подробнее об этом – в книге «История историка». М., 2004)[1].

Но «борьба за историю», отраженная в статьях, вошедших в сборник, это прежде всего борьба историка с самим собой: мучительное осознание тупиковости пути, на который меня наставляли учителя, и поиски выхода из него; это – нащупывание новой научной проблематики, поиск новых источников и методов, какие были бы адекватны их исследованию.

Я глубоко благодарен своим друзьям и коллегам, которые помогли подготовить сборник к печати.

Посвящаю эту книгу моей дочери Елене и внуку Петру.

Декабрь, 2004 г.

[1] Библиографию моих работ см. в кн.: Munuscula. К 80-летию Арона Яковлевича Гуревича. М., 2004. С. 214–251.

К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад

Дискуссия о докапиталистических общественных формациях, развернувшаяся в марксистской философской и исторической науке в последние несколько лет, очень интересна в теоретическом отношении. Чрезвычайно остро встал вопрос об общем и особенном в историческом развитии народов мира и отдельных его регионов в эпохи древности и Средневековья. Выяснились те трудности, которые возникают при попытке распространить понятие «рабовладельческий строй» на все древние общества, вышедшие из стадии доклассовых, общинно-родовых отношений. Между античными обществами и цивилизациями Древнего Востока обнаруживаются различия настолько глубокие, что ряд специалистов предполагает существование в странах Востока формации, которую они склонны считать не рабовладельческой, а формацией смешанного («полурабовладельческой-полуфеодальной») либо какого-то иного типа. Участники дискуссии неоднократно отмечали необходимость разработки детальной типологии форм зависимости, встречающихся в докапиталистических обществах. Не менее существенным нам представляется анализ применения в историческом исследовании общих понятий, имеющих определяющее методологическое значение для маркистской историографии, в первую очередь таких понятий, как «формация» и «уклад».

Общественно-экономическая формация есть общая понятийная категория, выработанная марксистской наукой с целью широкого охвата эмпирического материала истории и обнаружения в нем ведущих, коренных признаков, на основе которых социально-историческая действительность могла бы быть воспроизведена в виде системного единства. Понятие формации представляет собой наиболее общую абстракцию, прилагаемую к исторической действительности. Определение формации включает в себя не какие-либо фрагменты конкретной действительности, более или менее произвольно принимаемые исследователями за основные, а такие

ее черты, которые выделены логически и переработаны в систему понятий, выражающую закономерные связи и движение реальности. Будучи построено в соответствии с объективными законами действительности, это общее понятие отображает возможную связь явлений и тем самым позволяет дать ее истолкование. Само собою разумеется, абстракция не может быть смешана с реальной действительностью, черты которой она фиксирует в специфической, «очищенной» от исторических моментов логической форме.

Однако применение историками, экономистами и философами этого основного понятия марксистской теории исторического процесса представляется нам далеко не во всех отношениях безупречным. Обращаясь к работам, в которых рассматривается тот или иной отрезок исторического процесса, мы нередко видим, что понятие «формация» без обиняков переводится из плана логического в план конкретно-исторический. Считается, что это понятие полностью соответствует реальной исторической действительности. Происходит смешение двух уровней – теоретического и эмпирического. Вместо признания того, что констатация определенных черт исторической реальности дает возможность сконструировать на их основании некую теоретическую «модель», выполняющую важную познавательную функцию и позволяющую на определенном теоретическом уровне исследовать историческую реальность, ищут эту модель на «грешной земле». Иными словами, из важнейшего познавательного средства, орудия логики исторической науки «формация» превращается под пером исследователей в нечто материальное, отождествленное с существующими в данном месте и в данное время конкретными общественными явлениями. Универсалии превращаются в реалии...

В результате подобного «пресуществления» понятия в реальность в течение долгого времени историками предпринимались попытки обнаружить теоретически известные формации в истории всех стран и регионов мира. Когда же несостоятельность этих попыток стала очевидной, возникла потребность как-то объяснить «аномалии» в истории. Например, о древних славянах и германцах принято говорить, что они «миновали» рабовладельческий строй, как будто бы существует некое обязательное расписание «движения» народов последовательно через все формации, открытые Марксом. Смешение теоретического понятия «формации» с живой исторической действительностью допускается в ряде учебников и пособий по политической экономии и философии[1]. В некоторых из перечисленных трудов характеристика рабовладельческой и феодальной формаций сходна с крайне упрощенным их

определением, данным в работе И. Сталина «О диалектическом и историческом материализме».

Такое неправомерное, на наш взгляд, смешение двух планов – абстрактно-теоретического и эмпирико-исторического – создает серьезные препятствия на пути изучения исторического процесса. Вместо исследования реально существовавших исторически конкретных обществ дается изображение логических категорий и их движения. История подменяется логикой. Все то в истории, что не входит в рамки идеального представления о формации, не может получить должной объективной оценки. В результате – схематизм построений историков, сетования по поводу которого раздаются постоянно. Его корни, по нашему убеждению, нужно искать именно в этом смешении понятийного аппарата исторической науки с объектом науки, с изучаемой ею реальной историей.

С понятием общественной формации тесно связано понятие социально-экономического уклада.

Если формация – понятие высшего порядка, отражающее доминирующие черты социальной реальности, взятой как всеобъемлющая система, то понятие уклада охватывает лишь группу существенных признаков действительности, не претендуя на ее всеобщее отражение. Определяющими общественный уклад классовых формаций, по-видимому, нужно считать два тесно связанных между собой, но характеризующих его с разных сторон признака: структуру производственных отношений, находящую свою форму в отношениях собственности, и способ эксплуатации непосредственных производителей, обусловливающий способ ведения хозяйства. Эти критерии принципиально важны и для определения формации, но последняя ими не исчерпывается, охватывая всю совокупность общественных явлений от базиса до надстройки. В отличие от формации уклад представляет собой лишь один из типов общественно-экономических отношений, существующих в данной формации, и не определяет ее в целом, ибо в рамках формации могут быть обнаружены два или несколько укладов общественно-производственных отношений со своим особым способом эксплуатации и собственности на средства производства. Понятие «уклад» дает возможность несколько уменьшить «зазор» между такой общей категорией, как формация, и той социально-исторической реальностью, к которой эта абстракция применяется. Понятие «уклад» дополняет, модифицирует понятие «формация».

Присмотримся, однако, к тому, как практически применяется понятие «уклад». Обычно это понятие вводится, во-первых, в тех